

лодого поколения немецких философов права Д. фон дер Пфурдтена сформулировать концепцию «нормативного индивидуализма» [11, S. 134–141], суть которого в том, что «конечное нормативно-этическое обоснование права находится в соответствующих индивидуумах и их отношениях друг к другу» [11, S. 141].

По мнению А. Кауфмана, обоснование современного понятия справедливости может быть найдено только в человеке. Но имеется в виду «не эмпирический человек, а человек как *личность*, но не в этическом или антропологическом смысле, а в первоначальном логико-онтологическом значении как „роль“, как ансамбль отношений, в которых находится человек по отношению к другим людям и к вещам» [11, S. 133]. «Персональные отношения человека являются тем, что идентифицирует юридический дискурс как таковой, ведь в принципе право может быть легитимировано в любом случае только благодаря тому, *что оно обеспечивает кому-либо ему причитающееся как личности: Suum Iustum* (прежде всего благодаря признанию, в том числе гарантированию прав человека и основных прав)» [11, S. 133]. Наконец, заключал А. Кауфман: «Идея права – это идея личностного человека...» [11, S. 134].

На примере Германии в практическом плане существует множество текущих проблем обеспечения ценности права. Из массы имеющихся исследований весьма примечательна недавняя книга председателя совета судей Германии Й. Гнизы под названием «Конец справедливости. Судья бьет тревогу». Автор этой книги называет более 20 различных системных проблем, суть которых в общем состоит в пренебрежении правом и причинении такого ущерба праву, при котором автор констатирует почти непоправимую деградацию концепции правового государства. «Не только беспомощность, но и непонимание отличают обращение наших политиков с правом, да и вовсе отказ от него. Если оно все же должно быть, то они изгибают его для себя именно так, как они его смогут использовать» [12, S. 12]. «Недостаточная внутренняя безопасность, нарушения права со стороны политики и популистские маневры, когда речь идет об ответственности за граждан этой страны, для меня, – пишет Й. Гниза, – нет сомнений, что основа нашего общественного порядка, правовое государство, находится в опасности» [12, S. 13].

Некоторые соображения относительно проблемы современных трактовок понятия «права личности» призваны показать ее многогранность и отсутствие универсальных решений. При этом уточнение и разъяснение прав личности должны сопровождаться глубоким анализом разных ракурсов и подходов.

1. Страхов Н.Н. Литературная критика. М. : Современник, 1981. 384 с.
2. Jhering R. Der Kampf um's Recht. Wien : Manz, 1872. 100 S.

3. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Резолюция, принятая Генер. Ассамблеей ООН 25 сент. 2015 г. 70/1. // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 12.04.2019).

4. Нерсесянц В.С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 848 с.
5. Нерсесянц В.С. Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсесянца. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 5–30.
6. Павлов В.И. История политических и правовых учений в парадигмальном разнообразии: антропологический подход // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания : материалы 7-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М. : Норма, 2013. С. 169–173.
7. Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права : материалы 5-х и 6-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред.: В.Г. Графский. М. : Норма, 2011. 224 с.
8. Мамут Л.С. Право никому не дается даром // Наш трудный путь к праву : материалы филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2006. С. 75–85.
9. Графский В.Г. Веха на пути к свободе и неравнодушной гражданственности в России // Право и общество в эпоху перемен : материалы филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М. : Ин-т государства и права РАН, 2008. С. 176–187.
10. Графский В.Г. Непрерывно растущий человек и право // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении : материалы 12-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2018. С. 6–10.
11. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben von W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg : C.F. Müller, 2016. XXIX, 479 S.
12. Gnisa J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau : Herder, 2017. 288 S.

УДК 340.114.5

Н.А. Горбатов, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРАВА В ПРАВОСОЗНАНИИ ЛИЧНОСТИ

Действие позитивного права, стабильное функционирование правовой системы современного общества в значительной мере зависят от того, насколько адекватно в его правоустановлениях отражены потребности общественного развития и степени соответствия, сбалансированности этих потребностей, объективированных в нормах права, и жизненно важных, социально обоснованных потребностей, интересов, ожиданий людей, возникающих в реальных правовых ситуациях. Такое соответствие или несоответствие обнаруживается и определяется на

основе правосознания личности. В правовом сознании как одной из форм общественного сознания отражается правовая действительность, с которой взаимодействует индивид. Правовые нормы, прежде чем выполнить соответствующую функцию, опосредуются сложным комплексом психической деятельности человека, в процессе которой внешние требования, выраженные в праве, анализируются, оцениваются, усваиваются и на этой основе переводятся во внутренние мотивы и установки личности, а затем в ее реальное поведение. Иными словами, волевые юридически значимые деяния индивида выражают в сущности его отношение к праву в целом, к определенным нормативным правовым актам, конкретным правоустановлениям, существующей юридической практике как необходимым и целесообразным, справедливым или несправедливым, соответствующим или не соответствующим его потребностям и интересам и т. п. Без воли, сознания и деятельности людей право функционировать не может. Именно энергия людей, их творческий ум формируют нормативы социального взаимодействия, создающие возможность совместного сосуществования, и воспроизводят их в повседневном поведении. Характер правового поведения индивидов, таким образом, прямо связан с их представлениями и оценками права как регулятивной системы, т. е. с уровнем, содержанием и направленностью правосознания личности.

Поведение означает превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым субъектам [1, с. 67]. Правовое сознание, в сущности, формирует индивидуальную нормативную систему, на которой базируется поведение.

Из этого вытекает необходимость более интенсивных научных исследований, выработки практических мер, направленных на качественное изменение содержательных аспектов правосознания.

Крайне важно формирование в обществе, в сознании и действиях людей отношения к праву как к ценности, без которой невозможно добиться социального порядка, основанного на справедливости, уважении прав и свобод личности. Иными словами, речь идет об отражении ценностных аспектов права в индивидуальном правосознании личности.

В общефилософском смысле под ценностями понимаются специфические социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества [2, с. 417]. Для выявления социальной ценности объектов и явлений окружающего мира, таким образом, необходимо выяснить их способность удовлетворять определенные потребности и интересы общества и человека.

Следовательно, понятие ценности права как социального явления связывается с его способностью правильно отражать объективные потребности и интересы общества и его членов и способствовать их достижению.

В истории политико-правовой мысли известны разные подходы к пониманию ценности права. Но в целом преобладали взгляды, рассматривающие право как высокозначимое явление цивилизации и культуры.

В советском правоведении с позиций марксистской методологии право расценивалось с нигилистических позиций как явление, присущее только эксплуататорским обществам, а также как средство регулирования общественных отношений в переходный от капитализма к социализму период, потребность в котором при построении коммунизма отпадет, поскольку ему на смену придут правила коммунистического общежития. При освещении аксиологических аспектов права традиционно подчеркивалась его инструментальная ценность. В 60–70-х гг. прошлого века право трактовалось главным образом как средство (инструмент) осуществления политики партии и государства и совсем упускался из виду аспект ценности права для личности, для охраны и утверждения личностных ценностей (свободы, чести, достоинства, биологического и социального благополучия личности) [3, с. 177]. В последующие годы предпринимались попытки преодоления такого одностороннего подхода к оценкам права. В частности, С.С. Алексеев подчеркивал, что право может внести в жизнь людей такие высокозначимые блага, как безопасность человека в людских взаимоотношениях, стабильность сложившихся отношений, гарантированность прав, социального долга, торжество правды, справедливости, истины в конфликтных ситуациях [4, с. 100–101]. В постсоветской юридической литературе акцент в оценках права как регулятивной системы несколько сместился. Обозначились попытки рассматривать не только инструментальную ценность права, но и его общесоциальную и собственную ценность [5, с. 227–228]. Стали подвергаться анализу и критике некоторые элементы функционирующих правовых систем, сложившиеся на постсоветском пространстве, с позиций их влияния на положение личности в праве и др. Но при всех критических оценках ряда элементов национальных правовых систем в постсоветских государствах на доктринальном уровне право в целом рассматривается как безусловная социальная ценность, способная утверждать в человеческих взаимоотношениях начала цивилизованности и социального равновесия, предотвращать произвол и насилие. Хотя это совсем не означает, что в правоведении проблемы ценности права в достаточной степени разработаны. В основном как ценность право воспринимается и практиче-

ским профессиональным правосознанием. Однако на уровне обыденного и даже массового правосознания право, его функциональное значение, его роль в обществе расцениваются весьма неоднозначно. Определенная часть населения по-прежнему воспринимает право как форму воздействия на поведение людей главным образом с позиции интересов властных структур. Не ушли в прошлое суждения, основанные на антиправовой зависимости: «Выгоднее действовать в обход закона, чем поступать по закону». Эти и некоторые другие элементы ущербности правосознания индивидов на бытийном, обыденном уровне, конечно, имеют свою обусловленность, свои исторические корни.

Право представляет собой особую специфическую социальную ценность, которая не всегда проявляется в общественных отношениях непосредственно и идеально. Право, правовые явления должны быть соответствующим образом восприняты, осмыслены, осознаны и поняты субъектами правового общения. Причем в этом процессе играют свою роль факторы как общесоциального характера (экономические, политические, идеологические, культурные и т. п.) (на макроуровне), так и факторы непосредственной социальной среды, с которой взаимодействует человек в повседневной жизни (семья, трудовые коллективы, организации социально-бытового обслуживания и т. п.) (на микроуровне). Имеет значение и то обстоятельство, что отражение в сознании личности правовой действительности не является «зеркальным». Оно непременно наслаивается на ранее сложившиеся в обществе, в социальных группах взгляды, оценки, стереотипы, суждения, представления о праве, о правовой жизни. При этом различные оценочные компоненты права складываются под воздействием морали, обычаев, традиций, политических и религиозных нормативов и просто житейского опыта. Правосознание личности формируется в процессе вхождения (вживания) ее в социальную среду, т. е. в рамках общей, но прежде всего правовой социализации. Содержанием правовой социализации является усвоение индивидом правовых ценностей, приобретение навыков правового общения, восприятие стандартов правовой культуры и т. д. Но правовая социализация – процесс весьма непростой, многофакторный. В ее рамках действуют факторы как позитивного, так и негативного характера. Часто введение в действие даже весьма прогрессивных правовых новаций автоматически не приводит к позитивным сдвигам в их реализации. Правовые требования относительно медленно укрепляются в сознании людей, особенно в тех случаях, когда их содержание вступает в противоречие с укоренившимися в обществе устарелыми традициями, моральными стереотипами и др. Личность обладает способностью относительно самостоятельно усваивать различные, в том числе правовые, ценности и реагировать на социаль-

ные влияния, примеряя к ним свои стандарты, приспособливая их к своим, подчас эгоистическим потребностям и интересам. Добровольное и сознательное следование нормативным правовым предписаниям, модель поведения, к которой стремится законодатель, нередко достигаются с трудом и определенными издержками. На пути к достижению целей, которые преследуют правоустановления, на практике часто встают преграды, имеющие своим источником экономические, психологические, организационные, нормотворческие и другие факторы. Все они определенным образом воспринимаются сознанием личности и оказывают влияние на оценки права и как результат – на соответствующее поведение. Например, нигилистические настроения людей в оценке права существенно подпитывают факты формально-бюрократического отношения низовых органов управления к решению бытовых вопросов, с которыми обоснованно обращаются граждане. Тем не менее при всех сложностях важно внедрять в сознание членов общества понимание права не как простого творения государства, а как средства выражения согласованной воли всего общества. А целью государства, как утверждал И. Кант, является обеспечение торжества права, требованиям которого оно само должно подчиняться. Естественно, такой подход требует соответствующей аргументации. Следует учитывать и исходить из того, что согласованная воля общества, выраженная в законах, – результат сложного процесса достижения компромисса различных социальных сил. Ординарный человек не может повлиять на принятие соответствующего нормотворческого решения, поэтому нельзя трактовать это понятие упрощенно, только на уровне индивидуального правосознания. Правовые же установления непосредственно населением принимаются нечасто. Но в демократических обществах функционируют институты народного представительства, которые обязаны, отслеживая процессы мирового развития, своей страны, реагировать на запросы, потребности и интересы представляемого ими населения и отражать их в законах. Конечно, изложенное относится в значительной степени к сфере идеальных оценок деятельности органов народного представительства. Но в рамках обозначенной цели оно не лишено смысла. Понятно, что позитивное восприятие права зависит не только от качества актов высокой юридической силы, но и от нормативно-правовых решений на всех уровнях. Более того, отношение к праву как к ценности формируется в сознании индивидов чаще всего в связи с его воплощением в жизнь, в реальную действительность, т. е. с правореализацией. Большинство населения обычно не обращается к текстам законов, если они непосредственно не затрагивают личные интересы. Общее представление о праве люди получают из средств массовой коммуникации, в процессе взаимообщения, из иных источ-

ников, нередко извращающих суть права и его применения (например, материалы кинопродукции). Поэтому наиболее существенно аксиологические аспекты права получают отражение в сознании индивидов в случаях их, образно говоря, встречи с законом, т. е. в конкретных правовых ситуациях при разрешении определенных юридических дел. Речь идет главным образом о применении права как особой форме его реализации. Применение права – это особый вид социальной деятельности, который, как правило, носит публичный характер и предполагает наличие у его исполнителей специальных юридических знаний, определенного практического опыта, высокого уровня профессионального правосознания и правовой культуры, позитивных нравственно-личностных качеств. Если в процессе рассмотрения дел соответствующие интересы индивидов получают законное удовлетворение, право и деятельность правоохранительных органов воспринимаются положительно, признаются престиж права и его ценность. Но бывают и случаи, когда результаты применения права в какой-то части или полностью не совпадают с положениями нормативных правовых актов, на основе которых рассматривалось дело. Такие ситуации рождают в сознании заинтересованных субъектов чувство неопределенности законов, непредсказуемости исхода дела. Здесь понятия права и справедливости разъединяются и возникает пресловутое «закон, что дышло...». Причины принятия ошибочных и даже выходящих за пределы правовых установлений правоприменительных актов при рассмотрении конкретных юридических дел могут быть разные. Нередко они связаны с недостаточной профессиональной компетентностью должностных лиц. Они могут быть обусловлены служебными и корпоративными зависимостями, элементами деформации профессионального правосознания правоприменителей и др. Очень часто такие случаи связываются с личной заинтересованностью и добропорядочностью соответствующих должностных лиц, чего нельзя исключить. Такие суждения в дальнейшем могут тиражироваться в процессе взаимообщения индивидов. В результате в массовом правосознании формируются крайне нежелательные элементы нигилистического отношения к праву. Названные жизненные реалии указывают на важность проблемы формирования профессионального правосознания, т. е. правосознания лиц, профессионально осуществляющих юридическую деятельность. Профессиональное правосознание базируется на высоком уровне специальных юридических знаний. Причем эти знания должны носить комплексный характер и сочетаться с их правильной политической и нравственной мировоззренческой оценкой, умением практического применения.

Значение профессионального правового сознания, как видно, определяется не только тем, что на его основе обеспечивается качество

правотворческих и правоприменительных решений, соответствующих принципам законности и справедливости. Несомненно, значение профессионального сознания диктуется и тем, что именно оно наиболее предметно влияет на процессы формирования правосознания и правовой культуры всего общества.

Таким образом, в процессе реального функционирования позитивного права в сознании индивидов, действующих в правовой сфере, могут отражаться и утверждаться как его позитивные качества, так и его недостатки.

В условиях трансформации экономических и политико-правовых институтов современного общества, когда возрастают роль и значение субъективных факторов во всех сферах социальной жизни, весьма важно, чтобы в индивидуальном правосознании личности нашли отражение позитивные аспекты права, его ценностные качества. От этого зависят не только стабильность правопорядка, общественная дисциплина в целом, но и развитие и совершенствование самой личности.

В этих целях следовало бы на основе социологического анализа и всесторонней оценки нынешнего состояния правового сознания осуществлять исследования по определению и уточнению основных каналов, направлений формирования ценностно-ориентированных установок правосознания на уровне индивидов, социальных групп и всего общества. Это позволило бы предметно оказывать воздействие на социальные факторы, позитивно влияющие на отражение в сознании индивидов ценностей права, поддерживать и всячески их стимулировать. И одновременно, в рамках возможностей текущего периода, осуществлять меры по блокированию, нейтрализации и устранению факторов противоположного действия.

При всех недостатках позитивного права и практики его реализации важной общественной задачей становится постепенное преодоление исторически сложившихся в сознании людей негативных правовых стереотипов, элементов нигилизма, оказание влияния на переосмысление сущности правовой жизни. Добиться таких перемен в правовом мышлении людей – задача непростая. Однако становится очевидным их необходимость. Правовая политика государства, правовая практика, правовая идеология содержательно должны быть нацелены на решение этой задачи, поскольку реализация идеи правового государства без позитивных перемен в политико-правовом мышлении будет затруднительной.

Известный российский философ и правовед И.А. Ильин в свое время указывал на имеющиеся дефекты и пороки положительного права «как в самом порядке его установления, так и в его содержании и применении» [6, с. 47]. Но одновременно считал, что право «в его родовой сущности и

в его положительном виде заслуживает духовного признания и притяжения со стороны каждого человека» [6, с. 49]. По его убеждению, сферой настоящей жизни и действия права «остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности» [6, с. 211].

1. Социальная психология / Г.П. Предвечный [и др.] ; под общ. ред. Г.П. Предвечно-го. М. : Политиздат, 1975. 319 с.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Политиздат, 1981. 445 с.
3. Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 1999. 429 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
5. Скакун О.Ф. Теорія держави і права : підручник. Харків : Консум, 2001. 656 с.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.

УДК 340.1

Л.И. Глухарева, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории права и сравнительного правоведения юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета

ЦЕННОСТНОЕ ОБОСНОВАНИЕ МЕЖИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВА С ПОЗИЦИИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

С точки зрения позитивистско-догматической нормативности межличностное право вызывает, мягко говоря, некоторое непонимание, однако в рамках постклассической методологии, оперирующей такими категориями и ценностями, как «правовой человек», «личностные практики», «ментальная и поведенческая активность индивида», «интерсубъективность», «диалог со значимым Другим», «личностная конституция» и т. д. [1, с. 283–290; 2, с. 311–338], этот тип регуляции, думается, располагает для своего обоснования вполне убедительными доказательствами.

Межличностное (или межличностное, межсубъектное право), воспроизводимое взаимодействием непосредственных акторов социально-правовой жизни – людьми, действующими от собственного имени (а не как представители иных лиц или структур), в первом приближении может быть определено как система саморегулирования и самоупорядочения правовых отношений. Будучи одним из показателей социальной повседневности, межличностное право выступает в системе плюральной организации современного права вполне самостоятельным регулятивным центром и являет собой, пожалуй, самый

наглядный, чистый, без каких-либо позитивистских примесей пример правового функционирования, максимально вобравший в себя идеи и ценности человекообразной антропологии. Антропологический материал занимает практически весь объем и пространство межличностного права. Статус межличностного права, его морально-правовая природа, место среди различных форм и систем права, функциональный потенциал, сфера распространения, творческая роль человека в его формировании и поддержании и т. д. достаточно хорошо проясняются обращением к категориальным единицам постклассической социокультурной антропологии. Постклассические ценности, с одной стороны, обосновывают феномен межличностного права, с другой – своей представленностью в нем позволяют конкретизировать идеально-смысловую онтологию права, «развернуть концепцию правовой реальности от абстрактных к более конкретным определениям» [3, с. 25]. Предметное воплощение этих ценностей в межличностном праве прагматизирует ту практическую направленность знания, которой требуется сегодня постклассический дискурс от научной информации.

Термин «межличностное право» (или «индивидуальное право»), если вспомнить учение Л.И. Петражицкого, который, по-видимому, первым (по крайней мере, в отечественной юриспруденции) обозначил (назвал) его в качестве некоторого способа межличностного общения граждан и считал одним из пятнадцати видов положительного права, «не известных современной науке и не признаваемых ею», и который в своей классификационной системе видов и разновидностей права относил его к неофициальному, ненадлежащему, частному, децентрализованному и лично-свободному праву [4, с. 489, 561, 586, 587], в настоящее время не имеет, к сожалению, содержательной определенности и применяется в разных контекстах [5, с. 608–662; 6, с. 121; 7, с. 7; 8, с. 74; 9, с. 5]. В этом разнообразии мнений и суждений особое внимание привлекает позиция В.П. Малахова, который называет индивидуальное право «одной из социально-духовных форм жизни общества», «правовым способом организации и структуризации» его жизни, обладающим качествами негосударственного, самоорганизующегося, неюридического, неофициального, неформального, неписаного, живого, частного и естественного права [10, с. 49–74]. Эта точка зрения, выстраивающая разные формы права (государственное, международное, социальное и индивидуальное) в зависимости от создающих и воспроизводящих их субъектов, представляется вполне приемлемой для объяснения организационного построения современного, плюрального по своему существу права в целом, а равно для уточнения в этой классификационной системе места межличностного права.